

„Покрывало Пьеретты“.

(На сценѣ Свободнаго театра).

«Покрывало Пьеретты» («Шарфъ Коломбинны») представляется мнѣ синтезомъ всей творческой дѣятельности вѣнскаго драматурга.

То, что разбросано въ десяткахъ его произведений, здѣсь, въ этой абстрагированной отъ быта палтомѣ, въ образахъ, заимствованныхъ изъ *comedia dell' arte*, обобщилось, вылилось въ тяжелой трагедіи.

И какой смятенной и растерянной, какой лишенной воли и подчиненной слѣпому року представилась мнѣ душа современнаго буржуазнаго общества.

Въ этомъ вѣдѣ главная заслуга А. Шницлера въ мировой литературѣ, и съ особенной густотой и подавляющей убѣдительностью изображено это состояние въ «Покрывалѣ Пьеретты».

Эта общечеловѣчностію образовъ, ихъ символичность дала основній мотивъ для постановки, но въ то же время режиссеры Свободнаго театра не сумѣли выдержать ее въ одномъ стилѣ и постановка получилась пестрой.

Очевидно, для того, чтобы подчеркнуть символичность, былъ написанъ г. Балтрушайтисомъ красивый прологъ, но къ сожалѣнію этотъ прилогъ излишенъ вообще, а въ Свободномъ театрѣ онъ оказался таковымъ, въ особенности, такъ какъ въ его обширній труппѣ почему-то не нашлось подходящей артистки для исполненія роли Сивиллы, а тѣ темныя слова, которыя произнесла г. Кречетовъ, были просто жалки.

Методъ постановки (по Г. Крэгу) также неудаченъ. Это могло казаться новымъ, лѣтъ семь тому назадъ, но въ настоящее время отдаетъ плохимъ позанимствованіемъ изъ архива, не претвореннымъ режиссеромъ.

Первый и третій акты пантомимы въ иномъ стилѣ. Въ нихъ режиссеръ безнадежно старался притянуть символы къ землѣ, но удалось ему это сдѣлать лишь съ уныло-сѣрыми декорациями, панично освѣщенными въ тонахъ трехкопеечной открытки.

Самымъ интереснымъ по замыслу актомъ является второй, сдѣланный уже въ третьемъ стилѣ: интерьеръ, «какихъ не бываетъ»,—весь состоящій изъ лѣстницы, на ступеняхъ которой красиво группируются парчевые костюмы танцующихъ; серебристо-сѣрыя колонны, изъ плиссированной ткани, однотонныя и колеблющіяся при каждомъ движеніи толпы; маски на лицахъ участвующихъ,—все это говорило о нереальности происходящаго.

То же отсутствіе объединяющаго замысла чувствуется и въ исполненіи отдѣльныхъ ролей. Каждый игралъ самъ за себя, такъ, какъ ему казалось лучше, удобнѣе. Если бы не была замѣтна работа режиссера во второмъ актѣ, я сталъ бы даже утверждать, что «Покрывало Пьеретты» ставится совсѣмъ безъ его участія.

Какъ игралъ Пьеро—г. Кречетовъ? Попросту—никакъ. Попривился онъ режиссеру, очевидно, своей красивой фигурой, но этого было достаточ-